

В то утро мир выглядел особенно скверно. Стеная и охая, я выбралась на балкон с бутылкой минеральной в руке, взглянула на парк напротив, перевела взгляд на улицу и не без удовольствия констатировала:

— Ничего интересного здесь нет. — Глотнула из бутылки и закашлялась — минералка оказалась чересчур холодной.

На балконе появилась такса по имени Сашка. Пес укоризненно взглянул на меня и вроде бы даже покачал головой.

— Не смей меня воспитывать, — на всякий случай предупредила его я, — все равно слушать не буду. — Пес повернулся и ушел на кухню. — Вот и правильно, — сказала я вдогонку, выпила еще водички и пошла вслед за ним.

Сашка торопливо покинул кухню, значит, обиделся. Я вздохнула, оглядываясь, надо признать: редкий свинарник. Оставила на столе бутылку и побрела в ванную. Через полчаса мир уже не вызывал стойкого отвращения, в нем даже наметилось кое-что не лишнее приятности, к примеру, кофе. Я выпила чашку, закрыла глаза и попробовала вспомнить, какой сегодня день недели. Вторник или среда? Среда.

Тут зазвонил телефон, и меня перекосило от от-

вращения. Если это Дед, мой старый друг и работодатель, то лучше пойти и удавиться. Но, к счастью, это был Борька. Голос его звучал хрипло, слова он произносил с трудом, что в общем-то понятно, раз накануне мы пили вместе.

— Ты как? — спросил он с душевной мукой.

— Уже лучше.

— А мне чего-то совсем хреново.

— Пить надо меньше, — философски заметила я.

— Ага. Или больше. Ни то ни се — хуже всего. Я чего звоню-то... Вчера малость пошумели, а сегодня на полутрезвую голову... Слушай, у тебя неприятностей не будет?

— У меня их и так полно. Одной больше, одной меньше...

— Детка, эта рыжая шмара, что в ментовке выживалась, по-моему, журналистка. Вроде я ее уже где-то видел.

— Ну, видел и видел, — вздохнула я.

— Может, куда позвонишь на всякий случай?

— Обойдется, — отмахнулась я.

— Но...

— Угомонись ты, — перебила я, — башка болит, не загружай.

— Ну, как знаешь, — вроде бы обрадовался Борька и отключился.

А я попыталась восстановить в памяти события прошедшей ночи. События гроша ломаного не стоили, но удивительно, что они меня очень даже разозлили и я с горя напилась прямо-таки до безобразия.

— Надо завязывать, — мученически сказала я, особенно не веря самой себе, потом бодро поднялась,

оделась и крикнула Сашке: — Хорош дуться, идем гулять.

Сашка не торопясь пошел к двери, время от времени поглядывал на меня, проверяя, иду ли сзади, и тяжело вздыхал, опустив голову.

— Да ладно тебе, — буркнула я, запирая дверь. — Ну, напилась, с кем не бывает? Вчера мое чувство справедливости было поругано. Я ж тебе рассказывала. Зато мы долго гуляли, с этим ты спорить не можешь. А то, что я пела песни и взобралась на грибок на детской площадке, вовсе чепуха, у человека хорошее настроение, я вспомнила детство и все такое...

Пес вновь укоризненно взглянул на меня, держался он подчеркнуто в стороне, предпочитая не приближаться ко мне, в общем, делал вид, что он не со мной. Это показалось мне обидным. Я вошла в парк и бухнулась на первую же скамейку. Ночью шел дождь, блестели лужи, ветерок гнал листву по дорожкам. Обхватив себя руками под мышки, я сидела нахохлившись и пялясь в пустоту.

Сашка подошел, потерся о мои ноги и с грустью заглянул мне в глаза. А я подмигнула.

— Ничего, как-нибудь... — сказала я со вздохом, и мы пошли бродить по аллеям.

Сашка любит гулять, а я терпеть не могу свою квартиру. Никаких дел себе придумать я не смогла, к тому же на свежем воздухе чувствовала себя не в пример лучше, нежели на прокуренной кухне. В общем, мы гуляли часа два. Я заметно взбодрилась, простила миру его упорное нежелание выглядеть привлекательнее и даже почувствовала легкий голод, хотя обычно я не в состоянии запихнуть в себя что-либо, кроме кофе, часов эдак до двух.

— Потопали домой, — позвала я Сашку.

Он, видно, тоже проголодался, потому что без возражений направился к дому.

Мы позавтракали, я вытянула ноги и положила их на соседнее кресло с намерением вздремнуть, и тут вновь ожил телефон.

Риткин голос звучал точно на моих похоронах.

— Ну что ты вытворяешь? — с душевной мукой спросила она. — Дед просто... я его таким еще не видела. Поторопись. И придумай что-нибудь жалостливое в свое оправдание.

— Уже настучали? — огрызнулась я. — Ритка, а может, ты ему скажешь, что не нашла меня? Мобильный не отвечает и все такое...

— Нет уж, двигай в контору. И постарайся выглядеть прилично.

— Это трудно, — пожаловалась я, повесила трубку, скроила Сашке рожу и вздохнула. — Придется ехать. Давай со мной. Порядочный человек при собаке орать не будет, как считаешь? — Тут я углубилась в размышления на тему, можно ли считать Деда порядочным человеком, и слегка увлеклась, затем перевела взгляд на часы и кинулась собираться.

Обычно зеркало в такие тяжелые времена я игнорирую, но Ритка советовала выглядеть прилично, и я без удовольствия в него заглянула. На меня взирала опухшая физиономия, синяк на левой скуле невероятно украшал ее.

— А это, блин, откуда? — скривилась я, похмельная рожа скривилась в ответ. — Да, красота — это страшная сила, — вынуждена была признать я. — И чем дальше, тем страшнее.

Я достала косметичку и попыталась вернуть себе

былую привлекательность, но минут через пять махнула рукой и зашвырнула косметичку в ящик. Сашка устроился в сумке и оттуда настороженно поглядывал на меня.

— Потопали, — кивнула я, подхватила сумку и пошла в гараж.

Новенький «Ситроен», подарок Деда на очередной день рождения, радовал глаз. Сашка удовлетворенно твякнул, машина ему нравилась.

— Что, пес, — подмигнула я, поставив сумку на сиденье рядом, — жить — хорошо, а хорошо жить, как известно, еще лучше.

Уже поднимаясь по лестнице к центральному входу, я поняла, что совершила целый ряд стратегических ошибок. Первая: на мне джинсы, Дед терпеть не мог баб в джинсах, это знали все, и с моей стороны прийти в таком виде — значит проявить неуважение. Вторая: кроссовки на мне грязные (на фоне красного ковра в фойе не просто грязные, а безобразно грязные), а Дед ненавидел грязную обувь. Добавьте похмельную рожу и Сашку в сумке. Я глухо застонала, но упорно двигалась дальше, из упрямства, а может, из-за тайного желания досадить Деду. Отношения у нас, прямо скажем, непростые.

Ритка, увидев меня, страдальчески закатила глаза.

— Да ты с ума сошла. Ты себя в зеркале видела?

— Не-а. На хрена мне себя расстраивать?

Приемная была пуста, и я устроилась в кресле рядом с Риткой.

— Один? — кивнула я в сторону заветной двери.

— Да. Освободится, позовет. Между прочим, я

тебя просила... — укоризненно начала она, но я перебила:

— Да не зуди ты, и так тошно.

— Тошно, — передразнила Ритка.

— Кто настучал? — вздохнула я. Ритка подняла брови, вроде бы удивляясь моей дурости, после чего подала мне газету. Первую страницу украшала моя физиономия. — Фотография могла быть и получше, — хмыкнула я, но смеяться мне совсем не хотелось. Статька была озаглавлена «Распоясавшиеся слуги народа», и в ней мне досталось по полной программе, припомнили даже то, что я и сама забыла. — Вот у людей память, — покачала я головой.

— И чего тут смешного? — нахмурилась Ритка.

— А я и не смеюсь. Оперативно сработали. Умеют, когда хотят. Дай закурить.

— Ты же знаешь...

— Дай закурить. Хуже уже не будет.

Ритка протянула мне пачку сигарет и придвинула пепельницу.

— Ты что, в самом деле... — начала она, но под моим взглядом лишь покачала головой и отвернулась.

Я успела докурить сигарету и еще раз пробежать глазами статью, когда услышала по переговорному устройству голос Деда.

— Рита, она пришла? — спросил он сурово.

— Да, Игорь Николаевич, — пискнула Ритка.

— Пусть зайдет.

— Очень тебя прошу... — начала было Ритка, но я махнула рукой и вошла в кабинет.

Дед, как всегда, готовясь к неприятному разговору, таранился в окно. Он стоял, сунув руки в карманы брюк, и даже не повернулся, услышав, как хлопнула

дверь. Я его знала слишком хорошо и по напряженной спине, по тому, как, набычившись, он смотрит вдаль, ничего не видя, поняла: он, что называется, в бешенстве.

— Привет, — сказала я, поставила сумку с Сашкой на пол, а сама устроилась в кресле, робко так, на самом краешке, очень надеясь, что выгляжу вполне сиротливо.

— Газету видела? — спросил он, не поворачиваясь.

— Ага. Ритка показала.

— Ну и что скажешь?

— А чего тут скажешь, чистой воды подстава. И менты в нужном месте в нужное время, и журнальчик весьма кстати с фотографом на пару, и это в два часа ночи. А утречком эта хрень уже в газете... Позудят немного и уgomонятся. — Я разглядывала свои ногти, пользуясь тем, что Дед меня не видит. Тут он повернулся, а я приняла покаянный вид, взглянула на грязные кроссовки и поморщилась, но тут, как говорится, ничего не поделаешь.

— Значит, подстава? — спросил Дед печально, а мне вдруг ни с того ни с сего стало его жалко. Так иногда бывает, и я знать не знаю, что с этим делать.

Я молча кивнула, напустив в глаза тихой грусти, и даже вздохнула, Сашка, кстати, тоже вздохнул, должно быть, переживал из-за меня.

— Ага, — зловеще кивнул Дед. — Значит, ты не сядила за руль в пьяном виде, не была остановлена сотрудником ГАИ, не оказывала сопротивления, не была доставлена в отделение и не разбила там окно, запустив в него стулом. Что ты еще не сделала? — Я воззрилась на потолок, внезапно решив, что он чем-то необычайно мне интересен. — Прекрати паясни-

чать! — рявкнул Дед, но особого впечатления на меня это не произвело, я знала его двадцать с небольшим лет, сначала он заменял мне отца, потом стал любовником, теперь он мой работодатель. Мне было известно доподлинно: когда он рычит, это ничего, это можно пережить, куда хуже лютое молчание.

Дед сгреб газету со стола и сунул ее мне под нос, как будто я ее не видела.

— У тебя мозги есть? Хоть какие-нибудь? Ты знаешь, как для меня важно... особенно сейчас... переломный момент... — Далее было совсем не интересно.

Конечно, я знала. Год назад в тяжелой борьбе Дед занял это кресло и намеревался в нем состариться и, подзреваю, умереть на боевом посту, как генсеки в старые добрые времена. Последние пару месяцев он болезненно относился к малейшей критике, в общем-то, он ее никогда не любил, а теперь зеленел лицом, лишь только какой-нибудь придурок позволял себе твякнуть вдогонку. Впрочем, придурков было не так много, и волноваться ему, по большому счету, не стоило.

Именно это я и попыталась донести до его сознания, интеллигентно и толково. Но он не внял.

— Ты обязана думать о моем честном имени, — взвился он и, судя по физиономии, именно так и думал, я имею в виду честное имя. Признаться, это меня озадачило. Перед журналистами, любимым электоратом и еще черт знает перед кем мог бы сколько угодно выживаться, но я-то знаю его как облупленного.

«Он заигрался, — решила я с сожалением. — Сам себе верит. Ей-богу, верит», — тяжело вздохнула и сказала:

— Извини.

— Извини? — Его могучая грудь тяжело вздыма-

лась, глаза сверкали, правда, с рева он перешел на зловещий шепот, что тоже не очень хорошо, но от шепота хоть уши не закладывает. — Это все, что ты можешь мне сказать? Да ты хоть понимаешь... — Он вновь повысил голос, а я неожиданно для себя сказала:

— Пошел ты к черту. — И почувствовала облегчение: именно это мне уже давно хотелось сказать.

Дед замер с приоткрытым ртом, дернул седой головой, а потом сцепил челюсти так, что его зубы просто обязаны были раскрошиться.

Я поднялась и направилась к двери, решив, что самое время убраться восвояси. Ближе к вечеру Дед придет в себя, и мы славненько порыдаем на груди друг друга, простим обоюдные грехи и заживем по-прежнему — ладненько и складненько.

В два шага он догнал меня, схватил за плечо и с размаха влепил пощечину. Сашка отчаянно завизжал и, выскочив из сумки, попробовал ухватить обидчика за ногу.

— Здорово, — присвистнула я, как только смогла прийти в себя. Дед стоял бледный до синевы, гнев в его глазах уже потух, теперь в них осталась одна растерянность. Должно быть, он был потрясен не меньше меня.

Сказать по чести, не ожидала я от старого друга такой прыти. Еще минуту назад могла бы руку на отсечение предложить, что он никогда, ни при каких обстоятельствах... и так далее, а вот гляди ты... в этом мире все меняется, и с руками следует быть поосторожнее во всех смыслах.

Сашка все еще метался возле его ног. Я было испугалась, как бы Дед в сердцах не пнул звереныша, но он, похоже, вовсе ничего вокруг не замечал. Подхва-

тив Сашку на руки, я вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

— Ну что? — спросила Ритка испуганно.

— Дай листок бумаги и авторучку.

— Зачем?

— Дай! — рыкнула я.

Ритка испуганно пододвинула бумагу и ручку, но все-таки спросила, потому что по природе была чудовищно любопытной:

— Что это рожа у тебя такая багровая?

— Допекут, пойдешь пятнами.

— А почему только с одной стороны?

— Не сбивай с мыслей, — попросила я, а она заревела:

— Он что, тебя ударил? Не может быть... Из-за паршивой статейки?

Я размашисто вывела на листке: «Прошу освободить меня от всех прав и обязанностей. С любовью и благодарностью», — расписалась и поставила число.

— Привет, — кивнула я Ритке, — и в ближайшие три дня не вздумай мне звонить.

На сей раз дверью я не хлопала, прикрыла ее осторожно и огляделась: по коридору сновали люди, и всем было до меня дело. Одни улыбались, другие смотрели серьезно, но обходили стороной, точно я покинула не кабинет Деда, а тифозный барак.

— Вот уроды, — сказала я Сашке, и он согласно кивнул.

Пес все еще дрожал от возбуждения, и я, признаться, тоже, оттого и направилась в бар на втором этаже. Горячительных напитков здесь не подавали, но мне сейчас и стакан воды пойдет на пользу.

В баре человек пять пили кофе. При моем появле-

нии все разом повернулись, затем, точно по сигналу, отвели взгляд. Я подошла к стойке, взгромоздилась на высокий табурет, пристроив Сашку рядом. В сумке ему не сиделось, пришлось шикнуть, он затих, а бармен взглянул осуждающе. Здоровый парень с румяной рожей, в белоснежной рубашке и франтоватой бабочке. Наверняка с чувством самоуважения. Поди, друзьям рассказывает, как с местной властью каждый день запросто... прислушивается к разговорам, в душе всех презирует и боится... Хороший парень. Очень захотелось поскандалить, но я напомнила себе, что являюсь доверенным лицом Деда, то есть являлась, даже не доверенным лицом, черт, как же это звучит... ах, ну да, помощник по связям с общественностью. Я в каком-то смысле его лицо, тут он прав, а скандалить этому лицу ни к чему.

— Налей водки, — вежливо попросила я.

— Не держим, — торопливо ответил бармен и даже не без испуга шарахнулся от меня.

— Да брось, — сказала я с улыбкой. — Вот в том шкафчике всегда стоит бутылка, давай шевелись...

— Вы же знаете правило, — ответил он гневно, а я заорала:

— Да пошел ты, урод! — За моей спиной задвигались стулья, кто-то хлопнул дверью, я ухватила парня за белоснежную рубашку и гаркнула: — Ты что, оглох, придурок?

— Меня же уволят, — побелевшими губами шепнул он, я отпустила рубашку и похлопала его по груди.

— Извини, нервы ни к черту. Тяжелый день. Прошу прощения, господа, — раскланялась я, радуясь, что

доставила людям удовольствие, и поспешно покинула бар.

В коридоре меня догнал парень из охраны.

— Ольга Сергеевна, — сказал он вежливо, — Лев Иванович просил вас зайти.

— Времени нет, — хмыкнула я.

— Дело срочное.

— Сожалею, — перебила я весело, — я здесь больше не работаю.

Новую жизнь я решила начать с уборки квартиры. Ходко сновала с пылесосом, даже заглянула в комнаты на верхнем этаже, чего не делала по меньшей мере пару месяцев, Сашка путался под ногами, поглупев от удивления. Выдохлась я быстро и спустилась на кухню, с тоской взглянула на пустую бутылку из-под мартины. В шкафчике был коньяк для гостей, сама я его не жаловала, но на безрыбье, как известно, и рак рыба. Я плеснула в стакан, и тут хлопнула дверь, на кухне появился Дед в плаще нараспашку, брови сурово сдвинуты, взгляд тяжелый, выражение лица не прочитывается, не лицо, а булыжник. Взглянув на бутылку и стакан, я развела руками и усмехнулась: не мой день.

— Если думаешь, что я извиняться... — начал он, а я хихикнула:

— Даже не мечтаю.

Он подошел, отобрал бутылку, стакан швырнул в мойку.

— Надо бы снять с тебя штаны и всыпать как следует, — заявил он зло, — чтоб ты неделю на задницу не могла сесть.

— Катись отсюда, — предложила я. — Я на тебя больше не работаю.

Он запустил в стену бутылку. Я этого не ожидала и испуганно пригнулась, а он схватил меня за шиворот и больно ткнул лицом в стол. Сашка отчаянно завизжал, а я попросила:

— Отпусти, чего собаку пугаешь.

Он отпустил меня, устало повалился в кресло, потер лицо ладонями. Теперь стало видно, что он смертельно устал, круги под глазами, тяжелые складки возле губ, лоб перерезали морщины.

Было время, когда я любила его. Очень. Наверное, и сейчас люблю, не зря сердце колотится, так что того гляди выскочит, а душу щемит острая жалость. К нему или к себе, поди разберись.

Я присела перед ним на корточки и уткнулась лицом в его колени.

— Что ты делаешь со своей жизнью? — тихо спросил он. У меня разом заныли все зубы. Чего я совсем не выношу, так это разговоров по душам, особенно если сказать друг другу нечего. — Ты еще совсем девчонка, — продолжил он со вздохом, точно это обстоятельство сильно его печалило, — а посмотри, на кого похожа? Таскаешься по кабакам в компании каких-то дегенератов, с этой нелепой таксой... Скалишь зубы и радуешься своим дурацким шуткам.

— Иногда у меня неплохо получается. Один тип сказал, что у меня есть чувство юмора.

— Он дурак.

— Ясно.

— Кому и что ты хочешь доказать? А?

— Ладно, прости, — попросила я покаянно. Он взглянул мне в глаза, я тяжело вздохнула и поспешно

отвела взгляд. — Будем считать, что поговорили. — Я поднялась и сделала шаг в сторону, он схватил меня за руку.

— Что с тобой происходит? Что? Да поговори ты со мной, черт тебя дери... — Он даже голоса не повысил, но лучше бы заорал. В его словах была боль, настоящая, такое не сыграешь, хотя Дед, конечно, мастер. Я потеряла нос и решила его озадачить.

— Вот ты умный, — сказала я печально. — Скажи, зачем все это? Я, ты... вообще все?

— У тебя что, переходный возраст? — нахмурился он. — Что ты дурака валяешь?

— Я не дурака валяю, я смысла не вижу. Ни в чем.

— Какой, к черту, смысл? Ну-ка, иди сюда. — Я сделала два шага и уперлась ногами в его колени, и мы некоторое время пялились друг на друга без всякой пользы, потом он встал, обнял меня и убежденно сказал: — Я искалечил твою жизнь. Я во всем виноват. Если бы не я...

— Лучше еще раз врежь, — пресекла я его попытку запудрить мне мозги, — только чепуху не болтай. При чем здесь ты? У меня скверный характер, все мои неприятности из-за этого. Насчет смысла жизни я загнула, чтоб позлить тебя. Больше не буду, честно. Снимай плащ, я тебя чаем напою. У меня есть варенье, черничное. Ты же любишь...

— Детка, — позвал он. Не помню, чтоб он звал меня иначе, впрочем, он всех своих баб так зовет, чтоб не путаться, — у меня, кроме тебя, никого нет. И никогда не было. Ты знаешь. Если б я мог... если б я только мог все вернуть... я бы никогда... Я тебя слишком любил, до одури. Проще было убить, чем отдать другому. Если б не сглупил тогда, катал бы на спине твоих детей и

радовался своему счастью, а теперь смотрю, как ты вгоняешь себя в гроб, и ничего не могу сделать. Такое и врагу не пожелаешь.

Он меня растрогал, я даже заревела, что уже давно за мной не водилось, уткнулась в его грудь и рыдала, а он гладил меня по спине, и в глазах его стояли слезы, самые что ни на есть настоящие. Конечно, он меня переиграл, он всегда все делал мастерски. Я знала, что верить его словам и его слезам так же глупо, как надеяться увидеть прошлогодний снег, но не поверить не могла. Тут уж, как говорится, ничего не поделаешь. Любопытно, вот сейчас, когда он гладит мою спину, о чем он думает? Неужто вправду обо мне? Или все-таки о делах? Мы сливаемся в объятьях, и мысли входят в привычную колею? А может, зря я так, может, он действительно что-то чувствует, не он притворщик, а я слишком цинична? Ну вот, дошла до самобичевания... Он выпустил меня из объятий, снял плащ, как-то заискивающе улыбнулся:

— Давай, пои чаем.

Хлопоча по хозяйству, я между делом выглянула в окно. Машина Деда отсутствовала. Выходит, он отпустил шофера? Впрочем, ничто не мешает ему в любое время вызвать свою машину. А если он собрался задержаться, в том смысле, что остаться на пару-тройку часов? По негласному уговору такого давно не случилось, после того, как человек, за которого я собиралась замуж, скоропостижно скончался. Идея моего замужества не пришлась по душе моему другу. «Отцу родному, — фыркнула я мысленно, конечно. — Впрочем, тут я перегнула палку, если покопаться в нашей истории, то выходило, что это я соблазнила лучшего друга моего отца, а он пошел у меня на поводу, точно

баран на закланье. И ничего хорошего из этого не вышло».

— Что? — спросил Дед, а я сообразила, что последнюю фразу произнесла вслух. Со мной такое бывает, ни с того ни с сего начинаю болтать сама с собой или хихикать. В общем, реальные глюки. Человеку вроде меня не стоит жить в огромной квартире в трех уровнях. Здесь даже такса способна заблудиться, а что уж про меня говорить?

— Кажется, будет дождь, — бодро сообщила я Деду.

— Этот Борька, кто он? — спросил мой старший друг, поспешно отводя взгляд. Ревновать он считал недостойным себя, раз уж предполагалось, что мое счастье для него на первом месте, а собственное плетется где-то в хвосте.

— Хороший парень, — пожала я плечами.

— Давно ты с ним?

— Давно я с ним что? — хмыкнула я, сложив руки на груди. Обожаю такие вопросы.

— Ну... что-то вас связывает?

Вот это я называю страусиными играми. Теперь будет ходить вокруг да около, мастер иносказаний. Конечно, я тоже поднаторела в этом виде спорта, рядом с великими людьми грех не научиться. Но сейчас настроение у меня было не то, оттого я ответила просто:

— Он женат. Довольно глупо заводить с ним роман, как считаешь? — Голову из песка пришлось извлечь. Не знаю, как к этому относится страус, а вот Дед без удовольствия.

— Значит, вы просто пьянствуете на пару? — хмуро спросил он. Поделом мне, надо принимать его правила, а не лезть со своими.

— Да не пью я, — буркнула я с постной миной. — То есть, бывает, выпью, конечно. Иногда даже напьюсь, как вчера, например. Но пить — это совсем другое.

Дед выжидающе смотрел на меня. Я подняла глаза, и взгляды наши встретились, мой молил о прощении и еще намекал на легкую обиду, то бишь недоверие. Дед прикидывал, как ему поступить: сделать вид, что поверил, или не сделать. Короткая схватка закончилась победой здравого смысла, он обнял меня, привлек к себе и горячо зашептал:

— Я люблю тебя.

Только-только я вздохнула с облегчением, что все наконец закончилось, как Дед запечатлел на моих губах поцелуй, который при всем желании отеческим никак не назовешь. Признаться, я малость прибалдела, в том смысле, что растерялась. Пока я пыталась сообразить, что следует предпринять в такой непростой ситуации, Дед увлеченно продолжил. Я мысленно махнула рукой, отчего же не порадовать человека, да и себя заодно. В конце концов, для того и соглашение, чтобы было что нарушать. Я ответила на поцелуй, после чего нам оставалась одна дорога — в мою спальню. Туда мы и отправились.

Через некоторое время я могла с чувством удовлетворения констатировать: Дед, несмотря на возраст (а ему около шестидесяти), все еще в прекрасной форме, чего о себе сказать я не могу. Ленива, да и фантазия так, на троечку. Чувства тоже куда-то запропастились. Было странно лежать рядом с ним в постели и ничего в общем-то не испытывать.

Утром я вскочила пораньше и кинулась готовить завтрак, чтобы продемонстрировать свою любовь и заботу. Я была уверена, что нравочений больше не

последует, так же как и вопросов с пристрастием. Но Дед лишил меня всех иллюзий. За кофе, сидя напротив, он заявил:

— Совсем как раньше. — Глаза у него были грустные, должно быть, и вправду ностальгировал. Он протянул руку и погладил меня по щеке. Я тут же благодарно приникла к его руке губами, и тут он выдал: — Если ты еще раз напьешься, я пушу себе пулю в лоб. Я не шучу. — В этом я не сомневалась, шутить он вообще не умеет, а вот так — точно бы шутить не стал.

— Ты что, спятил? — спросила я, чувствуя, как отпадает моя челюсть.

— Точно, — кивнул он. — Спятил. Ты действительно то единственное, что удерживает меня на этом свете. И если выяснится, что ты... лучше сдохнуть, чем видеть, как ты превращаешься... Извини, — резко закончил он, а я все еще сидела с отвисшей челюстью.

— Игорь, — наконец смогла произнести я и увидела, как изменилось его лицо. Давно я его так не называла. В детстве я обращалась к нему так, как велел отец: «Игорь Николаевич». Потом был краткий промежуток, когда я называла его Игорь, и все во мне пело от счастья, теперь звала как все — Дед, а обращаясь к нему, вообще обходилась без имени. Теперь оказалось, что он обращал на это внимание, и я сразу ощутила неловкость. — Послушай, — вяло начала я, но он лишь покачал головой:

— Я тебя предупредил, а там как знаешь.

— Клянусь, я...

— Все. Я тебе верю. Тебе. А не тем, кто мелет языками. Постарайся меня не разочаровывать. А с Дидоновым разберись. Если это подстава, спускать такое негоже. Пусть помнит, кто здесь хозяин. — Дидонов,

кстати, тот самый тип, в чьей газетке появилась статья о дебоше, учиненном мною в милиции.

Через десять минут Дед вызвал машину и отправился служить народу, а я крепко задумалась. Итог оказался неутешителен, пришлось констатировать, что старый змей в очередной раз обыграл меня: и выпить не выпьешь без того, чтобы не чувствовать себя едва ли не убийцей, и в отношении журналистов опять же настоял на своем. Еще дней пять назад я его убеждала и вроде бы смогла убедить, что обращать внимание на их выпады себе дороже. Пусть твякают, нам-то что? Влезем в свару, им же в радость. Согласился он весьма неохотно. Чувствовалось, они его так допекли, что, будь его воля — самолично перестрелял бы самых горластых. Я еще даже съязвила (мысленно), что с таким болезненным отношением к чужим словесам в народные избранники лезть не стоило. И вот теперь мне недвусмысленно предложено разобраться с Дидоновым.

— Ох ты, господи, — тяжело вздохнула я, потому что разборки не любила. Мне и деньги-то в этом серпентарии как раз платили за то, чтоб все было тихо, мирно, без шума и пыли. И нате вам...

Я скривилась, как от зубной боли, а потом немного поразмышляла о Дидонове, точнее, на чем и как следует поймать его, чтобы раз и навсегда прищемить хвост. Дед в принципе прав, он давно нарывался. Прирожденный правдолюбец изрядно пакостил местной власти, хотя мог бы жить с ней душа в душу. Но пакостил. В городском совете от него Дедовым соратникам житья не было, а тут он еще газетку приобрел, рупор гласности, так сказать. Заправляла там некая дама, но дела это не меняло. «Придется разобраться, — с тоской решила я и вновь скривилась, потому что подума-

ла о Борьке. Вчера я тоже о нем думала, но с симпатией, а сейчас... — Истины нет, есть точка зрения», — напомнила я себе, но легче от этого не стало.

Я сняла трубку и набрала Борькин номер.

— Как дела? — тут же спросил он.

— Хреново. Досталось по самое не могу. Может, кофейку или очень занят?

— Давай часика в два? — как-то вяло предложил он, и мы простились.

Я покосилась на Сашку, который уже некоторое время посматривал на меня с неудовольствием (ночью в спальню его не пустили, законное место занял чужой дядя), теперь время прогулки подошло, а я все сижу за столом и вроде бы никуда не тороплюсь.

— Прогуляемся? — подмигнула я ему. На ходу лучше думается, мне-то уж точно.

Свежий воздух, веселый Сашка, листья под ногами шуршат, осеннее солнце пригревает, а мысли бегают, как тараканы. Я восстановила в памяти события прошлой ночи. Борька... С Борькой мы познакомились три месяца назад на фуршете, он предложил меня подвезти. Чувствовалось, чего-то парню от меня надо, что, впрочем, неудивительно, памятуя, кто у нас Дед, а то, что у меня с Дедом отношения хоть и не простые, но чрезвычайно близкие, знают все, кому надо.

Однако в тот первый вечер заговорить о своем деле Борька так и не решился. Оставил визитку, и мы простились вроде бы навсегда. Через пару дней после этого я о нем вспомнила и обратилась с просьбой, на которую он охотно откликнулся. Потом дважды приглашал меня на ленч. Я ждала ответной просьбы, не дождалась и совсем было решила, что он на меня «глаз положил». А что, не всегда же я выгляжу парши-

во, и Дед прав, девушка я еще совсем молодая. Ну, может, «совсем» сильно сказано... Наконец свое дело он все-таки изложил, и я вздохнула с облегчением, помочь ему было проще, чем увидеть в нем возможного любовника. Правда, он пытался подъехать и с этим, но робко и как-то даже без особой охоты, по принципу «может, и ни к чему, но предложить обязан»... Весьма деликатно я дала понять, что не вижу его в роли возлюбленного. Он тут же отступил, должно быть, вспомнив слухи, что я любовница Деда и рисковать просто не желаю.

После этого мы время от времени встречались, чтобы немного выпить и поболтать о том о сем, к нашему обоюдному удовольствию. Борька мне нравился — умный, в меру порядочный, но не до глупости, главное, с чувством юмора и убежденностью, что оно есть у меня. Во всяком случае, Борька всегда смеялся моим шуткам, и я это ценила, потому что мало кто находил их смешными.

Представлять Борьку в роли человека, сознательно заманившего меня в ловушку, мне не хотелось. Хотя теперь кое-какие обстоятельства начали выглядеть странновато, чтобы не сказать — подозрительно. Прежде всего выпили мы действительно немного. На самом деле не очень-то я злоупотребляю (хотя послушать общественность, так пью не просыхая, но это все вражеские козни, а еще невезение, стоит расслабиться — и непременно на кого-то нарвешься). Так вот, вопреки досужей болтовне, я не злоупотребляю, а в тот вечер мне и вовсе пить не хотелось. Мартини я заказала из чувства солидарности и всего один бокал. Согласитесь, доза совершенно незначительная.

Борька трижды заказывал по рюмке коньяка,

одним словом, сущая ерунда. В половине одиннадцатого мы покинули заведение. В тот день я как раз дала зарок больше двигаться и оттого была без машины. Борька вызвался отвезти меня домой, и мы покатали по проспекту, свернули на улицу Алябьева, и вот тогда появились доблестные «труженики дороги», точнее, кустов и прочих укромных мест. Появились не просто так, а с сиреной и сопутствующей атрибутикой, и выходило, что нужны им мы, то есть Борькина машина. Он свернул в переулок, милиция поотстала, а Борька притормозил и затравленно сказал:

— Вот невезуха... Дернул меня черт коньяка выпить, а у меня на прошлой неделе права отобрали за это дело.

В порыве невесть откуда взявшегося благородства я с ходу предложила:

— Давай я сяду за руль.

Он с благодарностью согласился, и мы торопливо поменялись местами.

Далее сюжет развивался, как в дрянном боевике: милицейская машина выскочила из-за поворота, затормозила перед нами, из нее вышли четверо дюжих молодцов, двое с автоматами, и кинулись к нам, а мы спокойненько наблюдали за происходящим и, помнится, даже улыбались, правда недолго.

Двери распахнулись, нас грубо выволокли из кабины и даже Борьку огрели автоматом. Само собой, я высказала все, что думала по этому поводу. Блюстители порядка тоже высказались по этому поводу. Я предложила им исчезнуть с глаз долой, а мне предложили впредь пить очень умеренно.

Дальнейшие пререкания привели к тому, что мы оказались в райотделе, куда совершенно случайно на

ту пору заглянули журналистка и фотокорреспондент «Губернских новостей». Несмотря на то что парни сделали все возможное, чтобы довести меня до бешенства, я держала себя в руках и особо суетиться не собиралась, потому что вины за собой не знала и была уверена, что инцидент быстренько разрешится, ко всеобщей радости. Я объяснила дежурному, что произошло. Борьку увели на медицинское освидетельствование, хотя я и пыталась втолковать, что делать это ни к чему, раз за рулем была я, а не он. Но мне не вняли. Тут я повысила голос, потому что изрядно утомилась от чужой бестолковости. Должно быть, в тот момент ушлый паренек меня и сфотографировал — рожа у меня на снимке слегка перекошена.

После медицинского освидетельствования Борьку отправили в вытрезвитель, что совсем никуда не годилось, из-за трех-то рюмок коньяка. Тут я рассвирепела и пообещала им райскую жизнь за самоуправство, но обещала в рамках закона, каковым в своих действиях и руководствуюсь (не буду утверждать, что всегда, но в ту ночь — точно). Явился заместитель начальника отделения и разрешил проблему — извинился и отпустил меня на все четыре стороны, а я на Борькиной машине отправилась его выручать.

Особого труда это не составило, но Борька к тому моменту был в большом гневе, пнул стул ногой, тот пролетел пару метров и по своей ветхости рассыпался. Я убедила Борьку, что злиться нет никакого проку. И мы пошли снимать стресс, то есть купили бутылку коньяка, бросили машину на стоянке и там же коньяк усидели, выпросив у охраны стакан. Если быть точной, бутылок было две (за второй посылали охранни-

ка). В итоге мы сошлись во мнении, что менты — козлы, и разъехались на такси по домам.

Утром я чувствовала себя паршиво. Но особой вины за собой не ощущала, так что все последующие события больно меня ранили. Ну, может, не больно, но чувство справедливости во мне оскорбили.

Конечно, все это выглядело подозрительно и в самом деле походило на подставу. Вот только не знаю, кому надо меня подставлять. Человек я в команде Деда незначительный, а народу задействовать для всего этого должны были множество. Выходило, что зря старались, били по воробью из пушки.

— Вот уроды, — сказала я досадливо и даже плюнула, Сашка недовольно покосился. — А ты гуляй, — сказала я, и он обиженно засеменил в сторону.

Вытряхнуть из Борьки всю подноготную труда не составит, хотя, по моему мнению, лучшее, что можно предпринять в такой ситуации, это вовсе ничего не делать. Пошумят, языками почешут и успокоятся, но Дед сказал «разобраться», а его слово здесь закон, и хочешь или нет, а разбираться придется.

— Пойдем домой, — взглянув на часы, позвала я собаку, Сашка сделал вид, что не слышит, но, заметив, что я зашагала к дому, ходко потрусил следом.

В половине второго я отправилась на машине в кафе «Фламинго», где мы договорились встретиться с Борькой. Кафе располагалось в центре города неподалеку от цирка. Единственным недостатком этого любимого мною в силу разных причин заведения являлось то, что припарковаться там было негде. Повсюду знаки «Стоянка запрещена».

Решив из вредности наплевать на знаки, я бросила машину прямо напротив кафе и толкнула стеклянные двери. В зале сидело человек десять. Борьки среди них не было. Я устроилась за столиком возле окна и заказала кофе. Окно было огромным, до пола, и впечатление было такое, точно сидишь на улице. Это было одним из достоинств заведения, для меня по крайней мере, оттого я и любила сюда заглядывать. Еще одно достоинство: высокие цены, соответственно, публика сюда валом не валила, и можно было посидеть в тишине и покое, наблюдая за прохожими. Этим я и занялась в ожидании Борьки.

Он появился через пять минут на противоположной стороне улицы, увидел меня и махнул рукой, лучезарно улыбаясь. Не похоже, что у парня бульжник за пазухой. Он бегом припустил через дорогу и вновь махнул мне рукой. На мгновение его скрыл автобус, а когда он проехал, Борьки я не увидела, зато обратила внимание на перемены в настроении прохожих. Все дружно вытянули шеи, кто-то закричал, а я со всех ног бросилась на улицу.

Борька лежал в полуметре от тротуара, лицо его было залито кровью, вместо рта кровавая каша, ботинок отлетел в сторону, и я об него споткнулась.

Начала собираться толпа, кто-то звонил в «Скорую», кто-то в милицию, я наклонилась к Борьке, и он меня узнал, протянул руку и даже не сказал, а прохрипел что-то. Я бухнулась на колени и услышала:

— Они...

— Кто? Кто «они»? — не поняла я. Он повторил «они», в его горле что-то булькнуло, он вытянулся, взгляд стал бессмысленным, а я поняла, что на моих глазах только что убили человека.

Впрочем, в те первые минуты во мне жила еще надежда, что это все-таки несчастный случай. Борьке все равно, а мне так намного спокойнее.

Но надежды развеялись как дым. Прежде всего виновник происшествия скрылся, хотя это было глупо, Борька игнорировал переход и красный сигнал светофора, так что с точки зрения дорожных правил виноват был сам. Однако водитель стареньких «Жигулей» все-таки скрылся. Дорога в этом месте неширокая, а движение хоть и интенсивное, но водители особенно здесь не лихачили — народу пруд пруди, и все, как один, игнорируют светофор, поневоле начнешь ползти, как черепаха. Но тот, что на «Жигулях», по свидетельству граждан, не полз, он вылетел из подворотни, разогнался и тормозить вовсе не пытался, а, наоборот, прибавил газа.

Тут, конечно, можно было усомниться в правоте чужих слов, фантазии разгулялись и все такое, но характер травм говорил о другом. Не первый раз мне доводилось видеть покойников, время от времени они возникали в моей жизни, и, как всегда, некстати. Взглянув на Борьку, я поняла: сработано профессионально. А дальше вовсе тьма египетская. Кому надо было убивать Борьку? Сидит себе парень в своей фирме, торгует компьютерами, никому не мешает. Мне ли этого не знать? Однако вот он — у моих ног, окровавленный и бездыханный, значит, кому-то это нужно.

Подъехала «Скорая», а следом милиция. Я отошла в сторонку и набрала номер Дедовой охраны. С его новым начальником службы мы не очень-то ладили, и я обрадовалась, услышав голос Виталия. Этот был из старой гвардии и понимал все без лишних слов. Втолковав ему, чего хочу, я направилась к милицио-

неру, сиротливо стоявшему рядом с трупом. Следующие полчаса я потратила на пустые разговоры, хотя и надеялась, что извлеку из них пользу. Но везет мне далеко не всегда, не повезло и в этот раз. Через некоторое время я загрузилась в «Ситроен» и отправилась восвояси в тоске и отчаянии.

Тоска хоть и присутствовала, но все же я была уверена: никакого отношения Борькина смерть ко мне, то есть к недавним событиям, не имеет. Но черная мысль уже разъедала мой многострадальный мозг, и вовсе выкинуть из головы я ее не могла. Оттого прямоком отправилась к Лялину. Не так давно он был начальником охраны Деда, но счастливо покинул наш серпентарий и, судя по всему, нисколько об этом не жалел. Он ушел в фирму, которая занималась охраной грузов, на весьма хороший оклад и почтенную должность, а еще в четырех фирмах числился консультантом. В общем, на жизнь ему хватало, а покоя не в пример больше. Я завидовала ему, хотя и мне никто не мешал сменить место работы. Когда-то я даже мечтала об этом, но лишь представлялась возможность, то по какой-то неведомой причине я ею не пользовалась. Загадка русской души.

Офис Лялина с улицы выглядел скромно, а внутри отделан был богато. Кабинет поражал величиной и дорогой мебелью. Сам Лялин, здоровенный мужик сорока шести лет, благодаря рыжим усам, был похож на добродушного моржа. Если учесть, что он долгие годы работал в разведке, такому впечатлению мог доверять лишь идиот. Лялин — мужик с характером и принципами. У меня вовсе не было никаких принципов, и, должно быть, по этой причине я его сильно уважала. Год назад мы сумели помочь друг другу, и